

Михаил Кураев

Всплыvший камень

рождественская быль

Чувство родового сиротства, невозможности толком разглядеть фамильные корни хотя бы на три-четыре поколения, преследует всю жизнь. Обе бабушки погибли в Ленинграде во время блокады, а оба деда и до войны не дожили. Особенно остро чувствуешь это сейчас, когда уже не стало тех, кто мог бы вспомнить, рассказать, объяснить... Пока были живы родители, тетушки, казалось, что калитка в прошлое так всегда и будет открытой. Ах нет! Занавес опущен, и за него не заглянешь.

Верующим людям проще, они уповают на встречи по ту сторону земной жизни, открывающие массу возможностей, в том числе и пополнения знаний о своих предках. Только много ли нынче наберется верящих в этакие чудеса.

Написал и подумал — неплохое начало для рассказа о чуде.

Хорошая вещь — e-mail, получил письмо, тут же ответил, и тебе ответят... Получаю весточку из Москвы, коллеги из Союза российских писателей спрашивают, можно ли дать мой адрес обратившемуся к ним неведомому человеку. Неведомый этот человек готов поделиться со мной сведениями о моем прадеде. Отвечаю в ту же минуту. И еще через десять минут, ну, может быть, двадцать, получаю письмо, автор которого сообщает о том, что разыскал меня благодаря опубликованной в свое время в журнале «Знамя» документальной повести «Жребий № 241». Да, это была попытка, пусть только в воображении, пожить немногого при живых дедушке и бабушке. Жребий № 241 был вытянут моим дедом, Николаем Никандровичем, при определении на воинскую службу. И когда в 1904 году грянула злосчастная война с Японией, деду, в ту пору земскому врачу, выпало из Воскресенска, нынешней Истры, отправиться врачом в 3-й Верхнеудинский казачий полк и уже вместе с полком в Манчжурию. Повесть же родилась из писем деда с войны к своей невесте, ставшей по окончании войны его женой, а еще позднее моей бабушкой. Из обширной переписки жениха и невесты, на два года разлученных войной, сохранилось немного, писем сорок, и только письма деда. Был в повести упомянуть и мой прадед, Никандр Акимович, о котором имел скучные и не очень достоверные сведения.

Среда, 24 июля 2013

Уважаемый Сергей Мамаев! Извините, отчества не знаю. Буду Вам крайне признателен, если сообщите всё, что Вам известно о моем прадеде и источниках Ваших сведений. Увы, мои сведения крайне скучны.

С уважением
Михаил Кураев

Много лет смотрит на меня Никандр Акимович с единственной сохранившейся фотографии. Судя по тому, как сидит и как смотрит, — человек твердого нрава. Судя по письмам, унаследовал несгибаемый характер и его младший сын, мой дед. В твердости нрава моего отца имел возможность убедиться многократно. Никандр Акимович снят с сыновьями. Легко догадаться, что фотограф молодым людям четко разъяснил, как надо сидеть, стоять и смотреть. Так они и сделали. Младшему, Николаю, выпало сидеть на венском стуле, к спинке не прислоняясь, правую руку велено положить на круглый цветочный столик с белой кружевной салфеткой и кисть руки с края столика опустить вниз. Смотреть — прямо. Его старший брат, Сергей Никандрович, стоит позади столика, левой рукой касается кружевной салфетки, а в правой держит поставленную на ребро книгу. Рослый, стройный юноша с одухотворенным лицом. Слегка развернут влево, и смотреть велено влево. Так мимо нас и смотрит. А вот как сидеть Никандру Акимовичу, едва ли подсказал фотограф. Плотно сидит на стуле мой прадед, ноги расставил, руки на груди скрестил, смотрит в упор. Усы и борода коротко стрижены. И хоть волос над высоким лбом всего ничего, лыс, а лицо молодое. Сколько им, моим предкам, в жизни со мной разминувшимся, на этой фотографии? Приходится гадать. Николаю Никандровичу, моему деду, здесь лет тринадцать. Должно быть, семинарист. Сергею Никандровичу лет восемнадцать-девятнадцать, еще не студент, но уже под белым воротником рубашки черная полоска галстука. Вот и усы пробиваются. Лик юноши серьезного, целеустремленного. Никандру Акимовичу здесь едва ли лет сорок. Фотография исполнена дома, поскольку на стене три домашние фотографии в рамках. Этот ряд с едва различимыми лицами — тот горизонт, за который уже не заглянуть и не узнать, кем же приходятся мне дама с высокой прической. Где на групповом снимке, по-видимому, выпускников или коллег моя родня? И что за бородач сидит в уличном кресле, и кто эта дама в белом, что стоит рядом и держит за руку девчушку лет четырех-пяти, тоже по-летнему в белом. Все они — мои, наши, но кто?

Дед мой на фотографии чуть щурится, что придает лицу монголинку. Ловлю себя на том, что юные Сергей Никандрович и Николай Никандрович похожи на Александра и Владимира Ульяновых на юношеских фотографиях, особенно похожи старшие. И жизнь дяди Сережи окажется тоже короткой. Умрет на последнем курсе Юрьевского университета накануне очередного экзамена, прилег, как говорится, вздрогнуть и не проснулся, остановилось сердце. Вот и прадеду, Никандру Акимовичу, выпали огорчительно краткие годы жизни, хотя успел увидеть своего младшего сына, окончившего медицинский факультет Харьковского университета, полноправным врачом...

Среда, 24 июля 2013

Здравствуйте, Михаил! О том, что Никандр Акимович Ваш прадед, я узнал из Вашей книги «Жребий № 241». А с Никандром Акимовичем меня связывает проект «Утраченный Божий Дом», которым я со своим коллегой сейчас занимаюсь в рамках своей краеведческой деятельности. Целью проекта является нахождение мест нахождения уничтоженных в годы советской власти православных церквей и часовен на территории Истринского района Московской области (здесь я и проживаю).

Теперь ближе к делу. Одним из объектов нашего исследования является утраченный Успенский храм в селе Ивановское. Далее самое интересное. На месте, где стоял этот храм, сохранились до сих пор два дореволюционных надгробия. На одном из них надписей никаких нет, а на втором выбито: «Никандр Акимович Кураев 1852–1898. Трудолюбивому и просвещенному служащему благодарная администрация фабрики». Все сходится — это ваш прадед, который трудился

как раз на Ивановской суконной фабрике, от которой на данный момент сохранилось лишь несколько построек (историю фабрики можно найти в вышедшей в 2010 году книге «Суконщики Поповы. Истории о московской жизни и не только»). Судя по всему, Ваш прадед был похоронен не на общем кладбище, которое в сотне метров от места бывшего храма, а в церковной ограде, что говорит о его особом статусе при Ивановской фабрике.

Если Вы захотите побывать на месте захоронения своего прадеда, готов Вас встретить и провести экскурсию по селу Ивановскому, показать и фабрику, и больницу, и место бывшей церкви, и надгробие Вашего прадеда. Пока же прилагаю к письму фотографию креста с памятником и крупно надпись на том самом памятнике. Еще фото есть на нашем сайте в учетной карточке храма.

Если есть какие-то вопросы, пишите. Готов ответить.

С уважением, Сергей Мамаев

Вот так! Надгробие с именем прадеда, а рядом воздвигнут четырехметровый крест в память об исчезнувшем храме. Фабрика не сохранилась. На месте храма — поляна. На месте погоста при храме валяются лишь два надгробия, еще не погребенные культурным слоем. Вот одно из них, некогда беломраморное, с лункой для креста, ныне исчезнувшего, всплыло из небытия, пришло, как письмо от прадеда!

«Никандр Акимович КУРАЕВ.

Октябрь 1852 — 24 сентября 1898 г.»

А на обратной стороне постамента ясно читается:

«Трудолюбивому и просвещенному служащему благодарная администрация фабрики».

24 июля 2013

Здравствуйте во веки веков, дорогой Сергей! Мне сейчас невозможно ни понять, ни описать словами, что значит подаренная Вами встреча с прадедом. Невозможно и найти достойные слова благодарности Вам. Я бывал в Воскресенске (Истру), последний раз был в Новом Иерусалиме во время работы над сценарием фильма «Раскол». Вспоминая рассказы отца, всякий раз пытался «нююхом» найти следы предков. Смотрел на больницу, перед которой заваливался назад бюст Чехова на пьедестале, думал, что там же работал и Николай Никандрович. Конечно, я обязательно воспользуюсь Вашей щедростью, Вашей готовностью быть моим провожатым к могиле Никандра Акимовича. Я ведь даже не знал дат его жизни!

О встрече. Вот уже 11 лет я езжу в Ясную Поляну на писательские встречи, проведение которых приурочено к 9 сентября, к дню рождения Л.Н.Т. Ясная для меня вдвойне притягательна, поскольку в Туле похоронен Николай Никандрович, и уже никто, кроме меня, на его могилу не приходит. Если ничего чрезвычайного не случится, я, скорее всего, на обратном пути из Ясной в Питер нагряну на Вас.

Низко Вам кланяюсь. Доброго здоровья Вам и Вашим близким.

Ваш Михаил Кураев

Семейные предания говорили о ранней смерти прадеда, о том, что оставшихся без родителей сыновей опекал дядя, Владимир Акимович. Из тех же преданий я знал, что деда, окончившего духовную семинарию и не собиравшегося служить колокольному делу, не принимали в университет. Официально запрета для семинаристов на поступление в университет не было, но препятствия чини-

лись неукоснительно. Именно поэтому дед, отвергнутый столичными университетами, отправился в Томск. Значит, не мифический дядя Володя, а сам Никандр Акимович, отец, был в бюрократическую стену прошениями, жалобами, требованиями. И сына после двух лет учебы в Томске перевели в Харьковский университет уже на третий курс. Видно, прадед не умел отступать и уже прощением на Высочайшее имя добился права на перевод сына в Московский университет. Только дед запоздалой милостью помазанника Божьего не воспользовался, решив завершить учебу в Харькове, благо медицинская кафедра была там сильной. На единственной сохранившейся фотографии, где прадед снят с сыновьями, я вижу человека твердого нрава, что унаследовал и его младший сын, мой дед, и его внук, ставший моим отцом.

Одни только даты жизни Никандра Акимовича сразу же наводили порядок, разгоняли мифический туман с «Воскресенских глав» в истории нашей семьи. Раз прадед служил на Ивановской фабрике суконщика Попова, крупного магната в своей отрасли, понятно, почему по окончании университета дед отправился служить в земскую больницу Воскресенска. Ивановское и Воскресенск в семи verstах. Здесь же, на Ивановской фабрике, служил красильным мастером второй мой прадед, Вильгельм Францевич Шмид, дочь которого стала моей бабушкой. Ясно, и почему дед в 1912 году принял должность заведующего больницей при Ивановской фабрике, откуда и отправился в 1914 году на вторую свою войну.

Тринадцатого сентября 2013 года, проскочив на электричке станцию Снегири, где меня ждал добрейший Сергей Mamaev, вышел на станции Дедовск. Встречавший меня на машине Сергей отнесся к недоразумению спокойно. Оказалось, что от Дедовска до села Ивановского, до погоста при исчезнувшем Успенском храме, даже ближе. Волнение от предстоящей встречи с местом упокоения прадеда, да еще путаница со станциями, понятное чувство вины вдруг разом ушли, растворились в спокойной благорасположенности моего нового знакомого. Так чувствуют себя люди, хорошо знающие свое дело. Они не трятают ни малейших усилий на то, чтобы себя показать, а вот показать землю, по которой мы передвигались, он мог в любой исторической перспективе.

Наивно было бы предполагать, что надгробный камень стоит над прахом моего предка. Но дорожащие памятью своей земли ивановцы воздвигли крест на краю бугристой поляны, рядом с единственным свидетельством прежнего назначения этого места.

Я смотрел на измызганный временем некогда белый надгробный постамент и видел прадеда, прочно сидящего, скрестившего по-наполеоновски руки и расставившего ноги. Нет, таких бесследно с земли не сковырнешь!

Тряпкой, что нашлась в машине, да водой для обмыва стекол принялся отмывать и оттирать постамент. Сергей посмотрел на мои старания и спокойно произнес: «Мы отмоем». Кто мы?

Сергей рассказал, что он работает в православной школе в селе Рождествено и уже обещал привезти меня в эту школу и познакомить с настоятелем Рождественского храма отцом Александром, он же хозяин школы. Ждет и директор школы, Валерия Феликовна. Да, школа частная. Сначала молодой выпускник духовной академии отец Александр из полуразрушенной церкви выселил совхозный склад химиков, и церковь предстала в своей первозданной красе, хотя росписи по штукатурке трижды осыпались с внутренних стен храма, изъеденных химией. Рядом с храмом был одноэтажный каменный приют. Теперь это просторный двухэтажный каменный особняк в духе классических усадебных построек прежних времен. Отец Александр, священник и яхтсмен (!), возродив храм, учредил при храме и школу со всеми правами среднего учебного заведе-

ния. Начинали чуть не с двадцати учеников, сейчас две сотни. Школа платная, для тех, кто может платить, для тех, кто не может, — бесплатная. Сергей Мамаев, выпускник авиалининститута, ведает в школе компьютерной техникой и заведует им же и учрежденным школьным музеем. Пишет краеведческие книги. Для тех, кто насмотрелся и наслушался суровой правды о современной школе, трудно будет поверить, что и сегодня мальчики и девочки могут жить и учиться по-человечески, как люди, а не злые несчастные зверушки или барчата нового призыва.

Самая, по-моему, маленькая, да еще и со склоненным потолком комнаты в школе, изобилующей просторными классами и кабинетами для учебы и творчества, — это кабинет директора. Валерия Феликсовна встретила меня как родного. Я поспешил признаться, что небесам было угодно сделать меня неверующим. Валерия Феликсовна от души рассмеялась. «“Петя по дороге в Царствие Небесное” ваша картина?» — «Моя». — «“Раскол” ваш?» — «Отчасти мой». Валерия Феликсовна посчитала продолжение разговора излишним.

Я решил быть корыстным. 24 сентября, правда, по старому стилю, день памяти Никандра Акимовича, вот хорошо бы хоть через сто пятнадцать лет...

25 сентября Сергей Мамаев прислал мне фотографии «субботника». Старшеклассники отмыли постамент до лебединой белизны. Валерия Феликсовна рассказала о «трудолюбивом и просвещенном» земляке, отслужили литию...

Очень хотелось, чтобы помнили Никандра Акимовича, помнили и таких, как он. А мы едва ли сможем хотя бы раз в год появляться в селе Ивановском Звенигородского района. Я решил, что в Рождественской школе должна быть учреждена стипендия имени Никандра Акимовича Кураева. Девиз ее очевиден: «Трудолюбивому и просвещенному». Стало быть, для старшеклассников, да и зачем малышам деньги. Две стипендии, мальчику и девочке. Тысяча целковых в месяц каждому. Семье нашей это под силу.

Сообща с Сергеем Мамаевым, благо электронная почта все упрощает, сочинили в стиле ретро «Похвальный лист» с надлежащим текстом: «В праздник Рождества Христова за достойные успехи и благородное поведение ученик — имя рек — поощряется сим Листом и денежным вознаграждением в память о трудолюбивом и просвещенном гражданине города Воскресенска Никандре Акимовиче Кураеве». В нынешнее Рождество стипендии и «Листы» будут вручать во второй раз.

Вот так вот всплыл из небытия камень. Приплыл в добрые руки.

Прав Гоголь Николай Васильевич: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают».